

Григорий Айзенберг

## За что сожгли «Одессу»

Окончив в 24-м году школу, я поехал в Одессу и поступил в художественный институт. Поскольку я был «из служащих», а не «из рабочих», стипендии я не получал и жил на то, что присылала мама. Иногда я подрабатывал рисованием плакатов, реклам для магазинов и даже один раз нарисовал вывеску (маслом на железе). Учился я без блеска – было много более подготовленных и талантливых, чем я.

Познакомившись с молодым фотолюбителем, я увлекся фотографией, стал ходить в кружок ОДСК (Общество друзей советского кино) и через год (перейдя на 2-й курс) пытался поступить на операторский, но не выдержал конкурса и вернулся на год в Николаев, где организовал при Доме пионеров кружок рисования (дело там пошло очень хорошо), а на следующий год пробился на операторский после тщательной подготовки.

Здесь оказалось, что благодаря моей учебе в художественном институте я в числе самых сильных студентов, а моя дипломная работа так понравилась Г. Рошалю, что он взял меня в экспедицию как главного оператора, и я был зачислен в штат Одесской студии в 1930 г. Но еще в 1929 г. мне очень повезло – меня направили на практику в Киев, и я попал 2-м ассистентом оператора и фотографом в группу Довженко и лучшего оператора Украины Демуцкого и проработал с ними весь фильм «Земля». Это была для меня подлинная академия, так как Довженко любил вечерами приходить в хату ко мне и Ване Шекеру (1-му ассистенту оператора). Пока мы при красном фонаре проявляли пробы, он, лежа на моей лежанке, рассказывал бесчисленные истории и замыслы. И он, и Демуцкий отлично

знали всю мировую живопись, и так как я и Ваня тоже были подготовлены, они охотно говорили с нами обо всех проблемах кино и изобразительного искусства.

К сожалению, в 1931 г. Рошаль уехал работать в Москву, на Одесской студии почти нечего было делать, только изредка удавалось получить короткометражку, но зарплату платили, и киномолодежь по целым дням чесала языки на высокие темы или играла в слова, зато я приобрел много умных приятелей: сценарист К. Исаев, режиссер М. Юдин, вскоре к ним прибавился французский режиссер Жан Лодс, с которым я снял фильм «Одесса» и дружил много лет (потом он возил меня по Парижу и уже после войны он приезжал в Москву). Моя работа по фильму «Одесса» была очень хорошо оценена, но... делать все равно было нечего.

Текст к этому фильму писал И. Бабель, с которым Жан и я постоянно общались.

Из этого веселого, хоть и не слишком сытого «клуба» Одесской студии в 1933 г. меня послали по указанию горкома партии выпустить фотогазету о «лучших людях села» во Врадиевку. Это большой поселок Одесской области.

Приехав туда с фотоаппаратом, я застал такую картину: все работающие в поле – это умирающие от голода люди, кожа и кости. За съеденный колосок (шла уборка урожая) 8 лет тюрьмы и ссылки. Командуют всем политотделы. Нач. политотдела, как правило, полковник, при нем вооруженный отряд солдат и офицеров, которым беспрекословно подчиняются все эти доходяги. Много случаев людоедства. Когда я сядил утром в телегу, чтобы ехать снимать в соседнее село, начальник посадил рядом со мной бойца с винтовкой – «Хоть и худенький, но могут съесть».

Ночевал я в хате политотдела, а утром прибежал боец и позвал политотдельцев «на помощь». Дело в том, что ночью дверь из хаты нач. политотдела плотно завалили девятью трупами умерших от голода, и он не мог выйти из дому. Такие вот картинки.

В Одессе мы держались на студийных скудных обедах, хлеб в городе почти всегда был, а в магазинах почему-то, кроме крабов, ничего. В конце концов я на них смотреть не мог. Впрочем, мы (я и моя первая жена Аня) жили в семье, и там нас подкармливали. Отец Ани имел частную жестяную мастерскую – чинил

ведра, посуду, замки и т. п. Зарабатывал он гроши, но все же вдвое больше оператора.

.....

Так как я не слишком был занят как оператор, у меня бывали побочные заработки: то я руководил фотокружками на заводах, то преподавал на курсах повышения квалификации фотографов, один раз взял подряд на съемку видов Крыма и объездил весь Крым с фотоаппаратом, от чего получил большое удовольствие. Часто оформлял (как художник) первомайские и октябрьские праздники. Один раз сделал «кинопаузу» для спектакля в драмтеатре – между актами шли на экране сделанные мною кинокадры. Однажды написал либретто для балета. Случилось это так: были мы с Костей Исаевым на балете в Одесском оперном, и я, прочитав на программке либретто, сказал Косте, что вот бы тебе на чем заработать. Он ответил, что это совсем не просто – нужно знать специфику...

Я сказал, что это ерунда, а он – «Вот ты и напиши!».

Ровно через три дня я пришел в театр и прочитал главному балетмейстеру Моисееву (не Игорю – однофамильцу) либретто, у меня его купили за 600 р. (мой трехмесячный оклад) и взяли молодого композитора Юру Фоменко на целый год на зарплату, чтоб писал музыку. Перед новым сезоном театр выпустил афишу с анонсом нового балета («Музыка Фоменко, либретто Айзенберга»), балеринки второго положения смотрели на меня с обожанием (надеялись, что я протолкну их на хорошую роль), но...

Когда через год Фоменко проиграл на рояле весь балет, Моисеев уже уехал из Одессы, балетмейстеры Болотов и Вирский (впоследствии Вирский стал народным артистом СССР) сказали, что музыка талантливая, но танцевать под нее нельзя, а либретто требует переделки, и предложили мне соавторство. По глупости (23 года!) я решительно отказался, и балет умер, не родившись.

Все же, возомнив себя автором, я сочинил либретто сценария, и Киевская студия его одобрила и благословила, но денег – аванс – не прислала. Я прочитал как-то заметку о том, что в Германии проводят опыты испытания отравляющих газов на живых людях – вот об этом я написал сценарный план. Прокорпев над ним несколько месяцев, я понял, что дело идет плохо, и понес его читать

к С. Радзинскому. Станислав Адольфович, отец ныне знаменитого драматурга, был сценаристом и главным редактором журнала «Шквал» в Одессе. Хотя он был лет на 10-15 меня старше, мы были по студии в приятельских отношениях.

Это был настоящий старый интеллигент. Прослушав мой сценарий, он сказал, что это по-прежнему только либретто, и чтоб я не высасывал из пальцев материал, о котором ничего не знаю. На том мой сценарий и помер.

Только около 1937-го года, когда я стал заниматься экспериментами по комбинированным съемкам, началась моя настоящая работа в кино. Как я уже упоминал, с французом Жаном Лодсом я снял видовой фильм «Одесса» (1935 или 36 год). Нашим шефом был сам 1-й секретарь обкома Вегер. Пару раз он сам вывозил на места съемок Жана и меня, и на студии нам была дана зеленая улица, мы снимали не торопясь и сделали очень красивый фильм.

Все хвалили, но... через несколько месяцев Вегер был арестован как «враг народа». Это был высокий, красивый и обаятельный человек лет 45, герой гражданской войны, любимец Одессы.

Студия была в тревоге: нужно было ждать, что Жана или вышлют (французский подданный) или арестуют, меня, конечно, арестуют как «пособника врага народа». Не знаю, почему «органы» решили иначе – на студии было проведено общее собрание, на котором полковник объяснил, что они понимают: мы были «слепым оружием в руках врага». Негатив фильма увезли и сожгли. Пронесло! Видно, ангелы-хранители постарались...

В 1939 г. я был внезапно призван в армию в качестве старшего лейтенанта запаса и вскоре оказался в Западной Украине. Громко паля холостыми патронами, мы пересекли границу и были встречены восторженными толпами нищих крестьян. Была холодная осень, мокрый снег, а люди босые, плохо одетые, выносили нам шапки яблок. Мы, впрочем, кормили их из походных кухонь. Хаты – вот-вот развалятся... Не знаю, как там сейчас, но когда я бывал там в «годы застоя» (в тех же местах – Коломыя, Косов – румынская граница), все выглядело богато и сытно. Коттеджи с гаражами...

Через два месяца нас отвели в Бердичев. Я упросил комиссара полка отпустить меня на октябрьские праздники – мол, сдастся фильм с моим участием. Взамен он потребовал, чтоб я украсил клуб полка, что я и сделал, и 6-го ноября получил увольнение. Никто из командиров запаса мне не завидовал – было известно, что через неделю отпускают всех.

Но после праздников никого не отпустили, вскоре полк был отправлен на финскую войну, и мало кто вернулся домой. Опять постарался мой ангел-хранитель...

Итак, я вернулся домой. Назначен был начальником отдела комбинированных съемок и повышен в зарплате. Теперь можно было в своей компании скромно, но все же каждый воскресный вечер, посидеть в Лондонском ресторане, лучшем в Одессе.

.....

Утром 22-го июня 41 г. я был в аэропорту – собирался лететь в Москву на 2-ю конференцию по комбинированным съемкам.

Но вылет был отменен. А в 12 ч. дня Молотов объявил о начале войны...

Публикация Галины Лазаревой

